

У.М. Бахтикиреева

«ЯЗЫКОВОЕ ИНОБЫТИЕ»: РОДНОЕ ИЛИ НЕРОДНОЕ (ВООБРАЖАЕМЫЙ РАЗГОВОР С НАФИ ГРИГОРЬЕВИЧЕМ ДЖУСОЙТЫ)

У.М. Бахтикиреева

Аннотация. В статье, жанр которой можно определить, как воображаемый разговор с Нафи Григорьевичем Джусойты, представлены рассуждения автора о «языковом инобытии», волнующем и его самого. Основная аргументация, подкрепленная фрагментами из русскоязычных художественных текстов нерусских авторов, адресована двум выводам Н.Г. Джусойты.

Ключевые слова: «языковое инобытие», языковая и этническая идентичность, субъект без определенного «этнического гнезда».

«Я же убежден, что нет на свете писателей, пишущих не на родном языке... Человек, создающий произведения не на родном языке, или вовсе не писатель, или же талантливый коммерсант от литературы... Для каждого человека, в особенности же для писателя, родным является тот язык, который он знает лучше, который чувствует тоньше, на котором свои мысли и чувства, свои ощущения и мир своего воображения может выразить точнее, яснее и полнее. Такое определение мне представляется... способным снять тот налет трагизма, который, якобы, имеется в судьбе писателей, пишущих будто бы не на родных языках... и отводит к другой предрассудок: нельзя писать на инонациональном языке полноценные по языку произведения, если ты не принадлежишь этой этнической общности по рождению».

Нафи Джусойты.

«Что это такое – родной язык писателя?» [8]

Позиция известного далеко за пределами Южной Осетии ученого Нафи Григорьевича Джусойты в отношении «языкового инобытия» писателя часто приводится исследователями русскоязычной (нерусской) литературы. Собственный опыт рефлексий по этому вопросу не могу назвать однозначным. Эту противоречивость, как мне представляется, ощущают и мои бывшие аспиранты, исследовавшие русскоязычные художественные тексты нерусских авторов в своих научных проектах. Ныне это доктора и кандидаты филологических наук (М.Б. Амалбекова – Казахстан, Е.Н. Кремер – Россия, С.А. Гринберг – Белоруссия, О.А. Валикова – Казахстан, Л.П. Дианова – Россия).

Цель этой работы – поделиться своими сегодняшними размышлениями.

1. Начну с «предрассудка» о том, что «нельзя писать на инонациональном языке полноценные по языку произведения, если ты не принадлежишь этой этнической общности по рождению». Однако «предрассудок» жизнеспособен в полном смысле этого слова. Свидетельством тому являются размышления казахстанского ученого, филолога, востоковеда (китаевед), посла, общественного деятеля Мурата Мухтаровича Ауэзова (лично знающего и высоко отзывающегося о личности, научной и творческой деятельности Нафи Григорьевича) из его ставших знаменитыми «Дневников» (2011). Кстати говоря, «Дневники»,

как и все созданное М.М. Ауэзовым на русском языке, демонстрирует высокий уровень владения этим языком, умение создать и сохранить стилевое единство темы, содержания, жанра и языковых средств. Такой уровень присущ отнюдь не всем носителям языка – интеллектуалам.

«27/VI/1978. Пишу на русском языке, но не «по-русски». Русскоязычие – оружие формирующегося национального самосознания. Этого не замечает пока прорусский партийно-государственный аппарат, воодушевленный успехами языковой ассимиляции нерусских компонентов «новой исторической общности». Не видят этого те из соплеменников, в ком вытравлено чувство исторического оптимизма ...» [2, с. 237].

«Январь 1977. Мой русский язык – неприятный, маленький костер, огня которого вполне достаточно, чтобы высветить определенный объем информации и лица собеседников. Русским языком творить казахское вольное слово... попытка возможна, но и сложна, хотя бы потому, что этот язык всегда ощущается мною как чуждый, способный выразить мое ожесточение, но не любовь, не чувства нежные, глубоко интимные, незащитные в своей откровенности. <...> Даже в те периоды своей жизни, когда владел только русским языком, я не доверял ему своих самых глубоких переживаний. <...>. За этим не было сознательной позиции, осознанных протюркских настроений. Мы, русскоязычные каза-

хи, начинали осваивать мир с помощью звуков, ритма, мелодики, знаков родной речи. В нашем русском языке, как правило, не функционирует с полной мерой нагрузки лексический слой детских слов, первых, крупных, святых» [2, с. 193].

Обе эти записи, и не только эти, являются подтверждением указанного вывода Н.Г. Джусойты. Процесс пребывания в «языковом инобытии», сопровождавшийся одновременным возвращением в «языковое бытие» своего народа¹, – уникальная «языковая биография» М.М. Ауэзова. Он возродил / активизировал казахский язык в своем языковом сознании. Как сказали бы психолингвисты, доминирующим, ядром языкового сознания стал казахский, а русский, бывший доминантным, переходит на периферию языкового сознания. Процесс этот, конечно, не прост, но он – действителен. Понимание «чуждости» иного языка, своей ответственности перед народом обусловили преодоление «маргинальности» и обретение себя в качестве деятельностного «субъекта национальной культуры». С моей точки зрения, «языковое инобытие» М.М. Ауэзова служило, прежде всего, собственному народу, его науке и культуре, «поднятию его с колен», стоит только прочитать все им созданное на русском языке. Здесь же речь идет в основном о его монографии, посвященной вопросам творчества на ином языке. В этом труде подвергается осмыслению тезис Н.Г. Джусойты, прозвучавший в Литературной газете (1957, 17 окт.): «Никакая национальная литература не создавалась и не может существовать на инонациональном языке» [5].

М.М. Ауэзов задается вопросами: существуют ли «критерии отнесения обеих ветвей к одной национальной литературе? ... не является ли иноязычие фактором, препятствующим развитию национальной литературы?» [1, с. 108]. Ответы на эти и сопряженные с ними другие вопросы он находит в процессе рассмотрения осознающей себя этнокультурной среды, непосредственно ее целенаправленных действий:

«Конкретные условия определяют содержание этих действий, и опыт прошлого имеет для них значение отдаленных аналогий, не более того. Вместе с тем исторические факты говорят о том, что в ходе взаимодействия различных культур формируется особый тип личности, с деятельностью которой существенно связано состояние языковой ситуации, ее негативная или позитивная перспектива. Речь идет о так называемой «маргинальной личности», воспринимающей «культуру, к которой принадлежит

этнически, как бы извне, со стороны и потому – крупномасштабно. В случае сознательной ориентации на участие в судьбах этой культуры она обладает ценнейшей предрасположенностью к целостному осмыслению ее состояния и перспективы в соотношении с другими культурами. Благодаря этому качеству маргинальные личности неоднократно исполняли в истории роль активных деятелей как в развитии одной, отдельно взятой культуры, так и в процессе ее взаимосвязей с другими культурами» [1, с. 108].

Развивая эту мысль, автор монографии отмечает, что именно ситуация «маргинальности» обуславливает различие таких понятий, как «сознание этнической принадлежности и национальное самосознание». По его мнению, подлинно творческая личность с глубокой мировоззренческой позицией в маргинальной ситуации восходит к национальному самосознанию, преодолевая в себе двойственную неопределенность маргинальности. Национальный язык в этом случае становится объектом, на повышение общественной роли которого направлены его усилия, хотя в собственной практике он может предпочесть тот язык, которым лучше владеет как средством достижения своих мировоззренческих целей.

«Совокупная деятельность творческих личностей, преодолевших уровень маргинальности и обретших себя в качестве субъектов национальной культуры, способствует в конечном итоге снятию противоречий двумя ее «ветвями» и решению общих задач ее развития» [1, с. 208–209].

Мне представляется правомочным вывод М.М. Ауэзова о том, что «в условиях глубоких связей между культурами литература может существовать и на инонациональном языке. Но эти же примеры говорят и о том, что в принципе сроки языкового «инобытия» не бесконечны. И здесь мы обнаруживаем известную правоту Н. Джусойты, тезис которого, чтобы быть принятым безоговорочно, должен был бы звучать примерно так: «... национальная литература... не может существовать на инонациональном языке ... без того, чтобы в конечном счёте не преодолеть эту форму своего бытования» (курсив наш. – У.Б.) [1, с. 110].

Этот вывод косвенно подтверждается в трудах уникального ученого Ю.М. Лотмана и Герольда Карловича Бельгера (1934 – 7 февраля 2015, Алматы) – полиязычного писателя (русский-немецкий-казахский), переводчика и критика, считавшего, что «немыслимо развивать родную литературу без родного языка», но «способствовать ее развитию, служить ей можно и с

¹ Не будет большим преувеличением, если отметим, что современный казахский народ в определенной мере можно назвать двукомпонентным [10].

помощью другого языка» [4, с. 85]. Позиция известного исследователя русскоязычной осетинской литературы И.С. Хугаева, пожалуй, ближе остальных к точке зрения М.М. Ауэзова. По И.С. Хугаеву, национальная транслингвальная литература («языковое инобытие» национальной литературы) существует как таковая до тех пор, пока есть национальная литература на родном языке или хотя бы родной язык (то есть логика такова: наличие транслингвизма предполагает, как минимум, наличие некоего лингвизма; если нет лингвизма, – понятие «транслингвизм» теряет всякое реальное содержание) [15].

Наличие средневековой тюркской литературы на арабском и новоперсидском языках, выход из «языкового инобытия» к тюркской языковой основе шедевров словесной культуры «Благодатное знание» Юсуфа Баласагуни и знаменитой пятерницы Алишера Навои предоставляет возможность М. Ауэзову настаивать на том, что литература может преодолеть «форму своего бытования» на ином языке. В качестве другого аргумента он приводит пример с ирландским этносом:

«Действует ли эта закономерность во всех случаях взаимодействия культур? Нет, и тут мы сталкиваемся с двойственной природой взаимодействия. К примеру, ирландский этнос, давший англоязычной литературе таких писателей, как Свифт, Гольдсмит, Лоренс Стерн, Оскар Уайльд, Бернард Шоу, Джордж Мур, Джеймс Джойс, вот уже несколько столетий не имеет литературы на ирландском языке» [1, с. 111]².

Здесь следует отметить, что несовпадение (как и совпадение) языковой и этнической идентичности является закономерным явлением. Как видим, и в настоящее время дух ирландского народа поистине нестигаем и неисчерпаем, несмотря на то, что ирландская литература (в т. ч. «житийная»), начиная с VI в. создается то на латинском, то на древне- и среднеирландском, а к XVIII в. литература на ирландском переживает упадок, и начинаются века ирландского «языкового инобытия», в частности, и ирландской литературы на английском³. Еще в годы Первой мировой войны премьер-министр Британской империи Д. Ллойд Джордж отметил: «Язык не

является достаточным еще признаком при определении национальной принадлежности <...> Значительная часть ирландского народа забыла свой древний язык и в течение многих столетий говорила на языке ненавистных им поработителей, ругая последних на их собственном языке» [16, с. 8–9].

Мы с коллегами-филологами, отмеченными выше (преимущественно лингвистами), склонны придерживаться вывода М.М. Ауэзова о том, что существование национальной литературы на языке иной культуры возможно, однако пределы ее не бесконечны; они зависят от разных обстоятельств исторического, геополитического характера, в частности языковой идеологии и языковой политики и др.

2. В этой части хотелось бы поделиться своими рассуждениями в отношении следующего вывода Н.Г. Джусойты: «Для каждого человека, в особенности же для писателя, родным является тот язык, который он знает лучше, который чувствует тоньше, на котором свои мысли и чувства, свои ощущения и мир своего воображения может выразить точнее, яснее и полнее. Такое определение мне представляется... способным снять тот налет трагизма, который якобы имеется в судьбе писателей, пишущих будто бы не на родных языках...» [8].

Единственное слово, которое, на мой взгляд, «выбивается» из этого фрагмента, – якобы. Трагизм, на мой взгляд, очевиден. Языковое строительство второй половины XX в. суть гомогенизация советского социума, внедрение русского языка во все сферы жизни посредством специальных государственных декретов, постановлений и указов⁴. Обязательными для воплощения в жизнь стали следующие тезисы советской языковой политики: о равноправии всех наций и языков, носящий глубоко идеологический характер; о русском как «втором родном» языке, или тезис о «двух родных» языках, напрямую связанный с марксистским тезисом о «расцвете и сближении наций»; о наличии и необходимости дальнейшего увеличения общего лексического фонда языков народов СССР посредством русского языка, который практически стал единственным проводником интернациональной лексики; о раз-

² В качестве примера добавим и творческий опыт Франческо Петрарки, который создавал поэзию на родном – итальянском, а научные эссе и публицистику на латинском (главном языке Римской империи).

³ Уместно отметить, что Генеральная дирекция письменных переводов ЕС приняла решение о возрождении ирландского языка.

⁴ Так, например, Постановление ЦК ВКП (б) и Совета Народных Комиссаров от 13 марта 1938 г. «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» абсолютизировало обучение на русском с 1 класса на территории РСФСР, а в других республиках – с 3 класса. Создавалась учебно-методическая литература на русском языке, закрывались национальные школы. Так, во второй по величине советской республике – Казахстане с 1955 г. было принято решение отменить преподавание казахского в школах с русским языком обучения. В столице – Алма-Ате до середины 1980 годов работала единственная казахская школа № 12. Русификация как языковая гомогенизация осуществлялась с помощью разнообразных мероприятий, в том числе за счет миграции населения, которое представляло собой плановое распределение рабочей силы на территории СССР.

делении функций между русским и национальными языками (хотя провозглашение паритетности языков отнюдь не гарантирует одинаковый объем общественных функций); о гармоничном и паритетном двуязычии, основанном на взаимодействии национальных и русского языков. Упомянем и о пагубном влиянии метода «шапирографии» (проф. А.Б. Шапиро) – механическом перенесении некоторых явлений русской грамматики на грамматику других языков.

В этих обстоятельствах важны были пассионарные личности, каким является Нафи Григорьевич, вставший на защиту родного языка и продолжающий за него бороться:

«Мы – осетинская интеллигенция и осетинские власти – совершили глупость – в начале 60-х годов прошлого столетия перевели даже начальные сельские школы на русский язык обучения. Тем самым с колена «расстреляли» родной язык – наших детей лишили чувства языка. Думаю, необходимо вернуть во все осетинские школы обучение на родном языке в неполной средней школе.

Мы это можем и должны сделать во что бы то ни стало в предстоящие годы или же смириться с тем, что убили свой язык, культуру и национальную будущность сознательно, по своей непомерной глупости» [6].

Полагаю, что «расстрел» большинства национальных языков в СССР не есть дело рук национальной интеллигенции и властей. Осетинский народ, как и многие другие, выбрал путь выживания в драматических обстоятельствах развернувшегося языкового строительства, нацеленного на ассимиляцию и аннигиляцию автохтонных народов.

Советское языковое строительство было отнюдь не безуспешным. Для целых поколений, и в частности – творческих личностей, писателей, родным является язык, доминирующий в его языковом сознании.

Если убрать все эмоциональные коннотации в сочетании «родной язык», то, действительно, доминирующим в языковом сознании был язык не автохтонный, не язык этноса, к которому человек принадлежал по праву рождения. И в этом понимании Нафи Григорьевич прав. Прямым подтверждением этому являются позиции ученых-лингвистов, полагающих, что «способом организации когнитивных процессов и структур может быть только один язык, усвоенный в процессе биологического отчуждения от матери и перехода к социальному общению. Любой другой язык, как бы рано он ни усваивался и как бы субъект им ни овладевал, родным называться не может» [17, с. 17]. В норме у человека не бывает

двух материнских языков, подобно тому как не бывает двух родных матерей. Однако вполне возможно, что «выученный язык <...> может стать в жизни человека важнее родного, который, однако, и при забвении остается матерью, пусть и менее любимой, чем мачеха» [12, с. 11].

В контексте мнений известных российских ученых, носителей «языка победителя» хотелось бы заметить, что подспудное чувство принадлежности к своему этносу существует у многих «побежденных», а этнический язык многие из билингов называют родным, не владея им в той мере, в какой владеют «языком победителя».

Если исходить из основания, что язык хранит в себе в свернутом виде опыт осмысления действительности предшествующими поколениями конкретного народа и имеет некое генетическое оформление в составе крови, то «язык победителя» едва ли можно назвать родным. (Вспоминается случай с радисткой Кэт из «Семнадцати мгновений весны»). Хотя, в силу его доминирования в языковом сознании конкретного субъекта, возможно, что он будет доверять ему все и выражать на нем все свои сокровенные чувства.

Возникают и другие ассоциации. Главный герой одной из последних повестей Ф. Искандера «Пшада» [9] в течение последнего дня перед смертью старался вспомнить, что означает слово пшада. Этнический абхазец, советский генерал, участник войны, не говоривший на абхазском языке в силу отсутствия необходимости пользоваться им в каждодневной жизни, возвращается в своих мыслях к этому слову. И только уже перед самым уходом: «Пшада – безветрие!» – вспыхнуло у него в голове, и что-то мощное ударило в грудь, и родной язык, как с размаху разбитый арбуз, хрястнул и распался перед ним, выбрызгивая и рассыпая смуглые косточки слов!».

Последний день жизни генерала, возвращавшегося в мыслях к родному языку, актуализирует вывод известного философа М.К. Мамардашвили о феномене природного (материнского) языка: «Ведь материя, о которой я говорю, обладает свойством непрерывности, бесконечности: куда бы мы ни шли, мы не можем отступить от своего бытия в ней. И куда бы мы ни пришли, мы остаемся внутри этой бесконечности» [13, с. 85].

С целью показать трагизм «языкового инобытия», который, как я понимаю, игнорируется Нафи Григорьевичем, приведу несколько отрывков из романов известного далеко за пределами России ученого и писателя без определенного «этнического гнезда», которого авторы Оксфордской библиографии по современности и колониальности определили следующим обра-

зом: «Мадина Тлостанова – филолог и философ узбекско-адыгского происхождения, живущая в Москве, работает над проблемами деколонизации гендера и деколониальной эстетики» [3, с. 3].

Родители М.В. Тлостановой, встретившиеся в период учебы в Москве (отец – кабардинец, закончил философский факультет МГУ; мать – узбечка, закончила ИССА при МГУ, индолог, литературовед), были молодыми людьми эпохи формирования общности «советский человек». Насколько могу судить из имеющихся данных, они по-разному относились к «русскости».

«В середине дня Муновар⁵ нашла Родо⁶ на тенистой веранде. Она прилежно учила наизусть какое-то странное стихотворение, повторяя его как заклинание: «Нелепо ли ны бяшеть, братие, начяти старыми словесы трудных повестии о пълку Игореве»...

<...> Родо споткнулась о вылезшие корни старого карагача, но не уронила обеда и не сбилась, перечисляя бесконечных князей: «...старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зареза Редедю предъ пълкы касожьскими, красному Романови Святъславличю ...».

Вот дошла до сарая со словами «живыя струны въскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху». <...>

Как ей хотелось цитировать наизусть Навои, Бабура или Лютфи вместо этого «нелепо ли ны бяшеть». Как компенсировать это незнание, это вынужденное насильственное невежество, всегда отмеченное тягостным чувством вины? <...> Потому что ее многочисленные чужеродности – отрезанный язык, искромсанный культурная традиция, затоптанная вера, сложная и к тому же тщательно скрываемая этническая принадлежность и социальное происхождение – наслаивались одна на другую и мешали ей слиться с Бинкентом – со старым и с новым. Как чувствовала себя она, предназначенная для иного и лишенная этого права и даже памяти и знания о нем?

На одной чаше весов была традиция, но и отсутствие адекватного современного образования и возможностей роста, статуса, социального положения. На другой – русскоязычие, потеря связей со своим миром, и вместе с тем обещание призрачного успеха в уродливом советском социуме. Это не настоящий выбор, а мнимый, но Родо все равно всю жизнь себя в нем винила» [14, с. 228–231].

Русификация как мощная советская языковая идеология в судьбах многих этнически нерусских делала, по мнению главной героини романа «Залумма Агра» – Магды, «чувство принадлежности

роду, клану неуловимым, ускользящим <...> А реальность предлагала совсем другие общности <...> у нас просто не было выбора» [14, с. 257].

Другим аргументом, как представляется, может служить отрывок из первого романа М. Тлостановой (опубликованный под псевдонимом Дина Дамиан) «В вашем мире я – прохожий»:

«<...> Мужчина откашлялся и с сильным акцентом, но по-русски спросил: «А почему вы пишете не на родном языке? Как это можно? Ведь язык – дом мысли, как сказал Хайдеггер, и писать надо на языке предков. Какой же вы писатель, кхе-кхе, если и не знаете родного языка» <...>.

<...> Я долго и горячо говорила о том, что язык – это всего лишь средство, что каждый пишет там и так, где и как живет и думает и что для меня, как это ни горько, язык колонизатора – русский – является родным, что порой сама вещь диктует, на каком языке писать, и потому я пишу на английском языке, что понятие «родной язык» устарело, наконец, что ратовать за родной язык, апеллируя к Хайдеггеру, смешно и нелепо» (курсив мой. – У.Б.) [7, с. 167].

«Язык колонизатора» является для героини романа «родным», т. е. доминирующим, главным инструментом для описания осмысленной ею окружающей действительности. Языковая идентичность и этническая идентичность в такой ситуации могут пребывать в глубоком конфликте. Однако в случае с автором романа все сложнее. Диалог Магды с французским антропологом – яркое тому подтверждение:

«– А как вы чувствуете себя среди людей, которые вам близки этнически?

– Никак. Для того чтобы чувствовать себя хорошо, надо быть своей, надо знать язык, разделять обычаи, ценности, а я этого лишена.

– А вы не знаете родного языка?!

– Нет, хотя, что считать родным в моем случае?

– Русский, так получается.

– Да, как ни крути.

– Так вы русская!

– Нет, не все так просто!

– Ну как же, и говорите только по-русски, не считая европейских языков, но эти иностранные. Это не считается. И ведете себя тоже, в вас все русское! <...>

– Почему вы против? Что же делает вас нерусской, на ваш взгляд?!

– Я отвечу пословицей, не русской, африканской: Ягуар пестрый снаружи, а человек внутри. Как вам такая постановка вопроса?

⁵ Муновар – мать Родо. Обе – героини романа М. Тлостановой «Залумма Агра».

⁶ Как мне представляется, образ Родо – это образ матери М. Тлостановой.

– Нет-нет, не отвертитесь! Объясните мне. <...>

– ... так что я не могу быть русской. Есть множество вещей, которые я не могу принять и разделить в русской культуре, ментальности, отношении к жизни. Все это определено не мое. Чужое. Хотя и любое другое – тоже не мое, понимаете? Вам кажется, что если у меня нет маркированной этничности, то она русская по умолчанию. Но это не так. Не надо меня присваивать и вмещать! <...>

– ... мне интересно, хотя все же я так и не разобрался в сути вашего отличия. Где граница своего и чужого, того, что вы приемлете и не приемлете?

– Я и сама в этом так и не разобралась, поверьте. Во всех этих пересеченных и отвергнутых границах.

Где же мне место? Где же нам место? Вероятно, там, где все чужие. Где все не дома. Где дома нет в принципе. Я не хочу выбирать, кем мне быть, кем мне становиться окончательно. Я не хочу сводиться к чему-то одному, понятному и простому. Меня много, и в этом мое единственное спасение. И места нет. Нет такого места на земле. И потому убежать нельзя. Невозможно.

Окружающие и вовсе не знают, что со мной делать, как меня классифицировать. Экзотика внешности затмевает все остальное. Побеждает инстинкт коллекционирования. Отличие влечет, но обладание всегда мешается с уничтожением....» [14, с. 359–363].

Примеров из современной русскоязычной художественной литературы можно привести множество. Неподдельный интерес к произведениям авторов, пребывающих в «языковом инобытии», к т. н. «контактной литературе» обнаруживается повсеместно: и в России, и в США, в Австралии и Великобритании и других странах. Таким образом, в научном и образовательном мире рубежа тысячелетий происходят эпистемологические сдвиги, напрямую связанные с личностью исследователя, ученого, преподавателя высшей школы. Становится все более очевидным, что стремительно меняющаяся реальность делает выводы ученых, прежде всего – гуманитариев, уязвимыми. Тем не менее, есть осознание необходимости выработки нового языка, выдвижения новых теорий и концепций. В складывающихся обстоятельствах ценность творческой личности ученого, способного формировать новые смыслы, генерировать новые знания, особенно важна. Четкая позиция Нафи Григорьевича Джусойты обуславливает поиск нового языка в осмыслении и описании «языкового инобытия». Пока же я вынуждена констатировать, что работа больше в поле интеллектуальной аргументации линейного нарратива. Надеюсь, что дальнейшее осмысление непоколебимой позиции великого сына осетинского народа, ученого, рыцаря науки и родного языка, писателя и переводчика со всеми эмоциональными коннотациями, будет способствовать и моей экзистенциальной состоятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ауэзов М.М. Иппокрена. Хожение к колодецу времен. – Алматы: Издательский дом Жибек жолы, 1997. 170 с.
2. Ауэзов М.М. Дневники. – Алматы, 2011. 296 с.
3. Бахтикиреева У.М. Встречи с Мадиной // Тамыр. № 1(30), 2012. С. 3–13.
4. Бельгер Г.К. В тенетах стереотипов // Помни имя свое. Статьи и выступления о литературе и культуре российских немцев. – Алматы: Гылым, 1999.
5. Джусойты Н. О национальном стиле и национальном языке // Литературная газета, 1957, 17 октября.
6. Джусойты Н.Г. Мир спасут книги и преданность идеалу справедливости // Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://osetia.kvaisa.ru/1-rubriki/03-vstrecha-dlya-vas/nafi-dzhusojtytir-spasut-kniga-i-predannost-idealu-spravedlivosti/> [Дата обращения 27.10.2015].
7. Дамиан Дина. В вашем мире я – прохожий ... – М.: Ком-Книга, 2006. 240 с.
8. Джусойты Н.Г. Что это такое – родной язык писателя? // Джусойты Н.Г. Книга друзей. – Нальчик: Эльбрус, 2003.
9. Искандер Ф. Повесть «Пшада» // Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.web-lit.net/writer/855/book/52659/>
10. Кодар А. Зов Бытия. – Алматы: Таймас, 2006. 528 с.
11. Кремер Е.Н. Проблемы русско-инонационального билингвизма (языковая и этническая идентичность билингвальной личности): Дис. ... канд. филол. наук: М., 2009. 204 с.
12. Костомаров В.Г. Еще раз о понятии «родной язык» // Русский язык в СССР. М.: 1991, № 1.
13. Мамардашвили М.К. Законы инаконемыслия // Здесь и теперь. №1. М., 1992.
14. Глостанова М.В. Залумма Агра: Роман. – М.: Издательство «Спутник +», 2011. 403 с.
15. Хугаев И.С. О границах и критериях национальной транслингвальной литературы // Вестник Владикавказского научного центра. 2013. Т.13. № 1. С. 2–6.
16. Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И. Межкультурная адаптация художественного текста: Монография. – М.: Прометей, 2003. 172 с.
17. Шахнарович А.М. Родной язык: онтогенетический подход // Русский язык в СССР. М., 1991. № 7.

«LINGUISTIC OTHERNESS»: NATIVE OR NON-
NATIVE (IMAGINARY CONVERSATION WITH
NAFI GRIGOREVICH DZHUSOYTY)

Bahtikireeva U.M.

Ph.D., Full Professor Peoples' Friendship University of Russia Chair of the Russian Language and intercultural communication Miklukho-Maklay E-mail: uldanai@mail.ru

Abstract. A genre of this article can be defined as an imaginary conversation with Nafi Grigorevich Dzhusoity. Some arguments of the author of the article concerning «linguistic otherness», which are exciting for Nafi and for the author too, are presented in the text. The main group of arguments, supported by the fragments of Russian literary texts written by non-Russian authors, are addressed to two main conclusions of N.G.Dzhusoity.

Keywords: «linguistic otherness», linguistic and ethnic identity, the subject without a certain «ethnic nest».

REFERENCES

1. Auezov M.M. Ippokrena. Khozhdenie k kolodtsu vremen. Almaty: Izdatel'skiy dom Zhibek zholy, 1997. 170 s.
2. Auezov M.M. Dnevnik. Almaty, 2011. 296 s.
3. Bahtikireeva U.M. Vstrechi s Madinoy // Tamyr. №1(30), 2012. S. 3-13.
4. Bel'ger G.K. V tenetakh stereotipov // Pomni imya svoe. Stat'i i vystupleniya o literature i kul'ture rossiyskikh nemtsev. Almaty: Gylym, 1999.
5. Dzhusoity N. O natsional'nom stile i natsional'nom yazyke // Literaturnaya gazeta, 1957, 17 oktyabrya.
6. Dzhusoity N.G. Mir spasut knigi i predannost' idealu spravedlivosti // Internet-resurs. Rezhim dostupa: <http://osetia.kvaisa.ru/1-rubriki/03-vstrecha-dlya-vas/nafi-dzhusoity-mir-spasut-kniga-i-predannost-ideal-spravedlivosti/> [Data obrashcheniya 27.10.2015].
7. Damian Dina. V vashem mire ya – prokhozhiy ... M.: KomKniga, 2006. 240 s.
8. Dzhusoity N.G. Chto eto takoe – rodnoy yazyk pisatelya? // Dzhusoity N.G. Kniga druzey. – Nal'chik: El'brus, 2003.
9. Iskander F. Povest' «Pshada» // Internet-resurs. Rezhim dostupa: http://www.web-lit.net/writer/855/book/52659/iskander_fazil_abdulovich/pshada/read [Data obrashcheniya 27.10.2015]
10. Kodar A. Zov Bytiya. Almaty: Taymas, 2006. 528 s.
11. Kremer E.N. Problemy russko-inonatsional'nogo bilingvizma (yazykovaya i etnicheskaya identichnost' bilingval'noy lichnosti): Dis. ... kand. filol. nauk: M., 2009. 204 s.
12. Kostomarov V.G. Eshche raz o ponyatii «rodnoy yazyk» // Russkiy yazyk v SSSR. M.: 1991, №1.
13. Mamardashvili M.K. Zakony inakonemysliya // Zdes' i teper'. №1. M., 1992.
14. Tlostanova M.V. Zalumma Agra: Roman. M.: Izdatel'stvo «Sputnik +», 2011. 403 s.
15. Khugaev I.S. O granitsakh i kriteriyakh natsional'noy translival'noy literatury // Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra. 2013. T.13. № 1. S. 2-6.
16. Khukhuni G.T., Valuytseva I.I. Mezkhul'turnaya adaptatsiya khudozhestvennogo teksta: Monografiya. M.: Prometey, 2003. 172 s.
17. Shakhnarovich A.M. Rodnoy yazyk: ontogeneticheskiy podkhod // Russkiy yazyk v SSSR. M., 1991. №7.

